

Доктрина четырёх эпох

Хотя современный человек до последнего времени смотрел на смысл известной ему истории и прославлял его как выраженный прогресс и эволюцию, исповедуемая традиционным человеком истина является совершенно противоположной. Во всех древних свидетельствах традиционного человечества возможно найти в различных формах мысль о регрессе или упадке: от изначальных высших состояний существа опустились до состояний, всё более обусловленных человеческими, моральными и случайными элементами. Этот инволюционный процесс, как утверждают, начался в очень отдалённом прошлом; его лучше всего характеризует эддический Рагнарёк, «сумерки богов». В традиционном мире это учение не было выражено в неопределенной и общей форме, а скорее было сформулировано в органической доктрине четырех эпох, которая может быть найдена в достаточно единообразной степени в различных цивилизациях. В соответствии с Традицией, истинный смысл истории и возникновения того, что я называю в общем виде «современным миром», происходит из процесса постепенного упадка через четыре цикла или «поколения».

Самая известная форма доктрины четырех эпох – это форма, типичная для греко-римской традиции. Гесиод писал о четырех эрах, символизируемых четырьмя металлами (золото, серебро, бронза и железо), помещая между последними двумя пятую эру – эру «героев», которая, как мы увидим, имела только одно значение – частичного и особенного восстановления изначального состояния¹. Индуистская традиция знает эту же доктрину в форме четырех циклов, называемых соответственно Сатья-юга (или Крита-юга), Трета-юга, Двапара-юга и Кали-юга (или Темная эпоха)², вместе с сравнением с провалом во время каждой эпохи одного из четырех копыт или опор быка, символизирующего дхарму – традиционный закон. Персидская версия этого мифа похожа на эллинскую версию: четыре эпохи известны и характеризуются золотом, серебром, сталью и «сплавом железа». Халдейская версия выражала этот же взгляд в почти идентичных терминах.

В особенности мы можем найти более позднее сравнение с колесницей вселенной, представленной в виде квадриги [*двухколесная колесница, запряженная четверкой лошадей в один ряд – прим. перев.*], управляемой высшим богом; эта квадрига увлекается по круговому пути четырьмя лошадьми, представляющими четыре элемента. Как верили, четыре эпохи соответствовали сменяющемуся доминированию каждой из этих лошадей, которая затем ведет остальных в соответствии с более или менее ясной и быстрой символической природой элемента, который она представляет³. Этот взгляд снова появляется, хотя и в преобразованном виде, в иудейской традиции. В одном из пророческих писаний⁴ упоминается об очень яркой статуе с головой из золота, грудью и руками из серебра, животом и бедрами из меди и ногами из железа и черепицы. Четыре части статуи представляют четыре «царства», которые следуют друг за другом, начиная с золотого царства «царя царей», получившего «господство, власть, силу и славу от бога небесного». Если Египет знал традицию, упомянутую Евсебием, касающуюся трех различных династий, состоявших соответственно из богов, полубогов и *манов*, мы можем видеть в них эквивалент первых

¹ Гесиод, «Труды и дни», 5.109 и далее.

² Законы Ману, 1.81-83.

³ Dio Chrysostom, *Orationes*, 36.39.

⁴ Данииил 2:31-45.

трех эпох (золотой, серебряной и бронзовой). Таким же образом древние ацтекские традиции говорят о пяти солнцах или солярных циклах, первые четыре из которых соответствуют этим элементам и в которых, как в евразийских традициях, можно найти катастрофы огня, воды (потоп), и борьбу против великанов, характеризующую цикл «героев», который Гесиод добавил к другим четверем – в этом мы можем узнать вариации того же учения, память о котором может быть найдена более или менее фрагментарно и у других народов.

Изучая значение каждого из этих периодов, уместно ожидать некоторые общие мнения, так как вышеупомянутый взгляд открыто противоположен современным взглядам на доисторическое время и изначальный мир. Придерживаться Традиции, что в начале не было подобных животным пещерных людей, но были скорее «более-чем-человеческие» существа, и в древнее доисторическое время не было «цивилизации», но была «эпоха богов»⁵, это для многих людей – которые так или иначе верят в евангелие дарвинизма – означает чистую и простую «мифологию». Так как я сам не изобрел эту мифологию, однако, критики должны объяснить её существование, т.е. факт, что согласно древнейшим свидетельствам и писаниям нет такой памяти, которая могла бы поддержать «эволюционизм»; то, что в них найдено, является прямо противоположным – иными словами, повторяющаяся мысль о лучшем, более прекрасном и сверхчеловеческом («божественном») прошлом. Эти же свидетельства также мало знали о «животном происхождении»; постоянно упоминаются скорее об изначальном родстве людей и богов, и сохраняется память об изначальном состоянии бессмертия вместе с идеей о том, что закон смерти появился в определенный момент, почти как неестественный факт или как анафема. В двух характерных свидетельствах случай «падения» отождествляется со смешением «божественной» расы с человеческой расой, считающейся низшей; в некоторых текстах «грех» сравнивается с содомией и спариванием с животными. С одной стороны существует библейский миф о Бен Элохим, «детях богов», которые брали себе «дщерей человеческих», в результате чего «все смертные ввели на земле развращённую жизнь»⁶. С другой стороны, существует миф Платона о населении Атлантиды, воспринимаемом как потомки и последователи богов, потерявшие божественный элемент и в конце концов позволившие своей человеческой природе восторжествовать из-за повторявшегося смешения с людьми⁷. Традиция в более поздние эпохи выработала разнообразие мифов, в которых расы считались носителями цивилизации, и божественные расы боролись с животными, циклопическими или демоническими расами. Это асы, сражающиеся с духами стихий природы; олимпийцы и герои, сражающиеся с великанами и чудовищами тьмы, воды и земли. Это арийские дэвы, сражающиеся с асурами, «врагами божественных героев»; это инки – господа, устанавливающие свои солярные законы среди аборигенов, поклонявшихся «Матери-Земле»; это Туата-де-Данаан, которые по ирландским легендам победили ужасную расу фоморов, и так далее. На этой основе можно утверждать, что даже если традиционные учения содержат память о существовании рас, которые могут соответствовать животным и низшим типам, описанным в теории эволюции (таков был

⁵ Цицерон, «О законах» 2.11: «Древние времена подходили очень близко к богам».

⁶ Быт. 6:4-13

⁷ Платон, «Критий», 110c; 120d-e; 121a-b: «Пока <...> божественная природа сохраняла в них свою силу, все их достояние, нами описанное, возрастало. Но когда унаследованная от бога доля ослабела, многократно растворяясь в смертной примеси, и возобладали человеческий нрав, тогда они оказались не в состоянии долее выносить свое богатство и утратили благопристойность».

субстрат, предшествовавший цивилизациям, созданными высшими расами), эволюционизм ошибочно рассматривает эти подобные животным расы как совершенно первоначальные, в то время как они таковы только относительно.

Другая ошибка эволюционизма – представлять некоторые смешанные формы, предвзвешившие появление других, превосходящих рас, как цивилизации и биологические виды, или как продукт «эволюции». У этих рас своё происхождение; из-за того, что так прошло много времени (как в случае с «гиперборейской» или «атлантической» расой) и из-за географических факторов эти расы оставили очень мало следов своего существования, и то, что осталось, трудно опознать тем, кто просто ищет археологические и палеонтологические следы, доступные профанному исследованию.

С другой стороны, существенно то, что народы, всё ещё живущие в предполагаемом изначальном, первобытном и «невинном» состоянии, не особенно удобны для эволюционистской гипотезы. Эти расы вместо развития скорее вымирают, тем самым демонстрируя, что они выродившиеся остатки циклов, жизненный потенциал которых давно исчерпан; другими словами, они являются разнородными элементами и остатками, оставленными позади основным направлением человечества. Таков был случай неандертальца, который в своей крайней морфологической животности сильно напоминает «обезьяночеловека». Неандерталец таинственно исчез в данный период, а расы, следовавшие за ним (ориньякцы и особенно кроманьонцы), представлявшие собой высший тип (насколько, что мы можем распознать в них исток нескольких современных человеческих рас), не могут считаться дальнейшими «стадиями эволюции» этого исчезнувшего типа. То же самое касается расы Гримальди, которая также вымерла, и многих существующих «первобытных» народов: они не «развиваются», а скорее вымирают. Их «приобщение к цивилизации» – это не «эволюция», но почти всегда это представляет собой неожиданную мутацию, влияющую на жизненные способности. Существуют виды, сохраняющие свои характеристики даже в условиях, относительно отличающихся от естественных; другие виды в подобных обстоятельствах, наоборот, вымирают, в ином случае происходит расовое смешение с другими элементами, в которых не происходит ни ассимиляции, ни реальной эволюции. Результат этого смешения сильно напоминает процессы, следующие наследственному закону Менделя: примитивный элемент, исчезая из фенотипа, сохраняется в форме отдельной, латентной наследственности, способной спорадически возникать, хотя он всегда наделен характером гетерогенности по отношению к высшему типу.

Эволюционисты считают, что они «позитивно» придерживаются фактов. Они игнорируют то, что факты *per se* молчат, и будучи проинтерпретированы по-разному, они могут поддерживать самые невероятные гипотезы. Однако, случилось так, что кто-то, хотя полностью информированный о всех данных, приведенных, чтобы доказывать теорию эволюции, показал, что эти данные поддерживают противоположный тезис, который в более чем одном отношении соответствует традиционному учению. Я ссылаюсь на тезис, согласно которому не только человек далек от того, чтобы быть продуктом «эволюции» животного вида, но многие животные виды должны рассматриваться как ответвления или «недоразвитые существа» примордиального импульса; только в расово превосходящем человеческом виде этот примордиальный импульс находит своё прямое и адекватное проявление⁸. Также существуют древние

---

⁸ Douglas Dewar, *The Transformist Illusion* (1957).

мифы о борьбе между божественными расами и чудовищными сущностями или животноподобными демонами, которая, вероятно, имела место до пришествия человеческой расы (человечества на самой ранней стадии). Эти мифы могут относиться к борьбе примордиального человеческого принципа против его внутренних животных возможностей, которые были в конечном счете изолированы и оставлены позади, так сказать, в форме определенных животных видов. Поскольку имеются в виду вероятные «предки» человечества (такие, как человекообразная обезьяна и снежный человек), они могут представлять первые потери в вышеупомянутой борьбе или лучше человеческие элементы, смешанные с животными возможностями или смытые ими прочь. Если в тотемизме, найденном в низших обществах, понятие о мифическом коллективном предке клана часто смешивается с понятием о демоне данного животного вида, это, кажется, отражает память о похожей стадии смешанности.

Хотя это не самый подходящий контекст, чтобы поднимать вопросы, связанные с антропогенезом, которые до определённой степени являются трансцендентальными, отсутствие человеческих останков и присутствие только останков животных в далёком доисторическом периоде может быть интерпретировано так, что изначальное человечество (при условии, что мы можем назвать изначальным «человеком» тип, который сильно отличался от исторического человечества) было последней формой жизни, испытавшей процесс материализации, затронувший ранние, животноподобные человеческие виды с организмом, способным существовать.

Мы можем здесь вспомнить, что в некоторых традициях существует память об изначальной расе, характеризовавшейся «слабыми» или «мягкими костями». Например, Ли-цзы, говоря о гиперборейском регионе, в котором начался настоящий цикл, упоминал, что население этого региона имеет «мягкие кости». В более поздние времена тот факт, что высшие расы, пришедшие с севера, не хоронили, а кремировали своих умерших, – это просто ещё один факт, который нужно рассматривать, когда сталкиваешься с дилеммой, вызванной отсутствием костей.

Нам могут возразить: «Нет никаких следов этого фантастического человечества!». Кроме того, что несколько наивно думать, что высшие существа не могли существовать, не оставив после себя таких следов, как руины, утварь, оружие и так далее, нужно заметить, что в относительно недавние эпохи существуют остатки циклопических сооружений, хотя не все из них типичны для цивилизованного общества (круг в Стоунхендже; гигантские камни, помещенные в подозрительной и удивительной устойчивости; *pedra cansada* в Перу; колосс в Тиуанаке и тому подобные вещи). Археологи озадачены тем, какие средства были задействованы для того, чтобы просто собрать и переместить необходимый материал. Глядя в прошлое, мы не только не должны легко забывать то, что было уже признано или по крайней мере не исключалось априори (т.е., существование древних затерянных стран и также то, что некоторые страны были созданы в недавние геологические эпохи), но мы должны также интересоваться, является ли честным априори исключать то, что раса в прямом духовном контакте с космическими силами вообще существовала (как утверждает традиция, так и было в случае с истоками) просто потому, что она не работала с такими материалами, как камень и металл, как те расы, у которых больше не было средств действовать в соответствии с силами природных стихий и существ.

Скорее, мне кажется, что «пещерный человек» сам является легендой: видимо, «первобытный» человек использовал пещеры (многие из которых выдают сакральное

назначение) не в качестве жилищ, как животные, но в качестве мест культа, что сохранилось даже в бесспорно «цивилизованные» эпохи (таких, как греко-минойский культ пещер и церемонии и инициатические помещения на горе Ида); и естественно находить внутри только следы, так как естественная защита данного места, а в других местах совместная работа времени, людей и природных стихий не оставила ничего для наших современников.

В соответствии с базовой традиционной идеей, говоря в общем, состояние знания и цивилизации было естественным состоянием если не человечества в общем, то по крайней мере определённых изначальных элит; и знание было не создано и приобретено, как истинный королевский сан не происходит из низов. Жозеф де Местр, после замечания о том, что то, что Руссо и его эпигоны полагали «естественным» состоянием (по отношению к дикарям) – это только последняя стадия животности некоторых племен, которые или были разбросаны, или испытали последствия какого-то изначального акта деградации, который повлиял на их внутреннюю сущность, верно указывал:

Что касается развития науки, мы ослеплены большим непониманием – т.е. предполагать поверхностное отношение к тем временам, в которые люди усматривали эффекты в причинах, на основе времен, в которые люди с усилиями поднялись от эффектов к причинам; в которые люди интересовались только эффектами; в которые, говорят, было бесполезно интересоваться причинами; и в которые люди забыли, что по-настоящему значит причина⁹.

В начале у человечества была не только наука, но весьма другая наука, которая происходила сверху и, следовательно, была очень опасной. Это объясняет, почему в начале науке была всегда таинственной и ограниченной храмами, в которых она наконец вымерла, *когда единственной вещью, которой этот «огонь» мог делать, стало гореть.*¹⁰

Таким образом, медленно формировалась как суррогат и другая наука, а именно исключительно человеческая и эмпирическая наука, которой наши современники так гордятся, и которая, как они думают, годится для того, чтобы при помощи неё судить всё, что они считают «цивилизацией». Эта «наука» просто представляет собой тщетную попытку взобраться назад, при помощи суррогатов, из неестественного и вырожденного состояния (самое грустное то, что оно больше даже не воспринимается таковым), которое совершенно не характеризует истоки.

При любом событии нужно понимать, что эти и подобные указания будут играть минимальную роль для тех, кто не намерен решительно изменить своё умонастроение. У каждой эпохи есть свой «миф», в котором она отражает определённый коллективный климат. Сегодня аристократическая идея о том, что у человека высшее происхождение, а именно, – прошлое света и духа, заменена демократической идеей эволюционизма, выводящей высшие формы из низших, человека из животного, цивилизацию из варварства. Это не столько «объективный» результат свободного и сознательного научного поиска, сколько одно из многих отражений того, что пришествие современного мира, характеризуемого низшими

---

⁹ J. de Maistre, *Soires de St. Petersburg* (Paris, 1924), 1.63.

¹⁰ *Ibid.*, 1.82. Одна из вещей, на которые указывает де Местр, – это то, что древние языки более совершенны, более органические и логичные, чем современные; они открывают скрытый созидательный, нечеловеческий принцип, особенно когда древние или «первобытные» языки с очевидностью содержат фрагменты ещё более древних языков – либо утерянных, либо вышедших из употребления, на что, в конце концов, указывал и сам Платон.

социальными и духовными слоями и человеком без традиций, неизбежно произвело на интеллектуальном и культурном планах. Следовательно, не нужно обманываться: некоторые «позитивные» предрассудки всегда будут производить алиби для самозащиты. Признание новых горизонтов станет возможным не при помощи новых «находок», а скорее при помощи нового отношения к этим находкам. Любая попытка обосновать даже с научной перспективы то, чего придерживается традиционная догматическая точка зрения, принесет результаты только среди тех, кто уже духовно расположен принять это знание.

Юлиус ЭВОЛА

Перевод с английского О. Молотова